

Эдвард Кулибаев

ШОЛПАН

Я был знаком с этим человеком раньше. Но я не узнал его ни тогда, там, у газетного киоска, ни после, когда мы шли по желтому, белому, бежевому песку, переворачивая палками камни.

– Нет, – сказал я ему, сдвигая с места очередной булыжник, – бессмысленно, задача не имеет решения. Вернее, оно таково: необходимо перевернуть все камни. Согласитесь, это слишком дорогая цена.

– Да, пожалуй, так оно и есть, – отозвался он, – пожалуй, так оно и есть. У нас слишком много других дел. – Он швырнул свою палку в воду. – Будем считать, что с этой задачей покончено, зачеркните ее.

Я зачеркнул, 2112 В. «Дорога произвольно усеяна камнями, под некоторыми из них могут водиться жужелицы. Сколько камней надо перевернуть, чтобы убедиться, что жужелиц нет?»

Ветер трепал его седые длинные пряди. Он наблюдал, как волны пытались выбросить палку обратно, на берег.

Да. Я не узнал его тогда. Это случилось потом. Позже. Через несколько лет. Только сейчас.

Так что он все-таки оказался прав.

В конце концов.

Как, впрочем, и во многом другом.

Я стоял, держа в руке только что купленную газету, и наблюдал, как малыши раскупали какие-то яркие разноцветные марки, когда он окликнул меня. Он шел по другой стороне улицы и бросился ко мне со всех ног: я был его самым старинным, самым преданным другом. Которого он искал по всему свету.

– Марат Бертурович? – мягко спросил он, заикаясь от волнения и радости.

– Нет, Вы с кем-то меня спутали. Вы ошиблись, – наотрез отказался я.

Действительно, я слышал это имя впервые. Все называли меня иначе.

Он заговорил об улице Кирова, кинотеатре «Знамя», и о серебряном подстаканнике с отломанной ручкой.

– Помните?

Я разуверил его и в этом.

Он выглядел недоуменным, а точнее, несколько растерянным, оттого мне показалось на миг, что я в чем-то предал его, но только на миг; передо мной стоял пожилой, с проседью, мужчина – я не знал его. Я никогда его не видел.

Он спросил у меня еще что-то и еще, но я все равно ничего не вспомнил. Абсолютно ничего.

Это теперь, сейчас, я могу рассказать вам всё об улице Кирова и кинотеатре «Знамя», где даже спинки стульев пропахли запахом перегревшихся установок и горелой пленки. И о серебряном подстаканнике, и об отломанной ручке. Кто ее отломал. Где. Когда. Я мог бы рассказать миллиард историй. Об этом и о другом тоже. Впрочем, наверное, всё же меньше. Да, чуть меньше.

Он представился. И сразу же попросил ни под каким предлогом никому не называть его настоящего имени.

– Ну, если уж очень будут допытываться, ответьте, что меня звали Грин. Александр Грин, но не более, не более.

Длинный, разлетающийся на ходу плащ, шляпа и шарф – он был слишком тепло одет для августа.

– Почему? – спросил я.

Он ответил, что предпочитает никогда не расставаться с этим плащом. Покроя Эмара-Гарвея.

Мы разговорились. Мы увлеклись. В пересыщенном растворе неожиданной встречи прорастал причудливый кристалл симпатии, наш разговор напоминал работу ацителеновой горелки. Идея высекала идею. Одна мысль волшебным образом превращалась в другую.

– Сосуды! Сообщающиеся сосуды ассоциаций! – подумалось мне об этом.

Из чайных клиперов, спешащих за мыс Горн, возникали сосны, сосны давали жизнь белкам и дятлам, дятлы открывали двери барабанам и бубнам, барабаны и бубны привели к нам Сэмюэля Морзе. Вместе мы отыскивали подходящий овальный дубовый стол и принялись отстукивать буквы его замечательной азбуки. Буквы незаметно складывались в слова, а те, сами собой, – в предложения.

Наша беседа вытягивалась подобно подзорной трубе. И мы заглядывали в эту чудесную трубу, и видели всё больше и всё дальше.

Мы опомнились, когда с деревьев начали осыпаться листья. Они завалили нас почти по самые колени. Вокруг уже не было ни души. Газетный киоск был закрыт.

Напрасно мы оглядывались – последние автобусы и троллейбусы, такси, самолеты, трамваи, корабли и пароходы давно ушли, уплыли и улетели.

Последний дирижабль стартовал от мачты, когда мы, стуча каблуками, бежали по площади Авроры. Красные сигнальные огни медленно превращались в звезды.

Теперь нам предстояло идти краем моря – долгая прогулка, уготованная всем опоздавшим.

Я никогда не обладал даром предвидения и, глядя в будущее, был слеп. Часто я даже не знал, что случится со мною завтра. Но здесь я был твердо уверен. Я уже чувствовал запах водорослей и слышал плеск волн. Я знал: это путешествие будет самым большим, самым счастливым и самым печальным из всех путешествий этой жизни, отмеренной мне с точностью до двух и двух наносекунд.

Мы зашли в буфет, который никогда не закрывался и светился в ночи двумя ослепительными оранжевыми квадратами витрин. В витринах были выставлены два шоколадных медведя – белый и гризли. Почти в натуральную величину. Медведи сидели, расставив лапы, и улыбались, как дети. Из-за них-то там и была

установлена мощнейшая фреонная установка «Амундсен», раскрашенная под бутафорскую бандероль с надписью «Большие Кильдибековские Сказки». Даже в самую сильную жару, когда город прятался в прохладные подвалы и вымирал, толстые стекла витрин были обжигающе холодны, как лёд, из обломков которого заколдованный Кай всё выкладывал и выкладывал слово «Вечность».

Той мелочи, которую мы наскребли в карманах, нам хватило на две булки хлеба и пять плавленых сырков. И два стакана лимонада.

Мы уже завернули за угол и спешили по бульвару Золотых Яблок Солнца, когда нас внезапно осенило! На обрывке какой-то афиши, на свободном её пространстве мы произвели необходимые вычисления: мы учли неожиданность встречи, август, Сэмюэля Морзе, бортовой номер дирижабля, лидийскую хроматическую концепцию, сильный встречный ветер, плавленые сырки, удаленность звезд и многое, многое другое, – не говоря о потере знаковой слитности; мы подставили все девятнадцать переменных в уравнение Таракханова – Шкловского. И пересчитали всё дважды: ошибки быть не могло. Несомненно, в разворачивающемся будущем в нашем распоряжении оказывался практически безграничный запас времени! Порывом сквозняка у Грина сорвало с головы шляпу. Мы догнали её только у старых чугунных ворот: двери вечности были чуть приоткрыты.

Мы вернулись. И обменяли наши часы, ставшие бесполезными теперь, как конка и дилижанс в век автомобиля, на несколько банок апельсинового сока и персикового компота. Буфетчица долго упиралась – ей не нравился такой обмен. Потом она все-таки согласилась, при условии, что мы перенесем из склада ящики с чаем и кофе. Мы сразу поняли, что это ей было совершенно не срочно и, может быть, даже не нужно: ящиков было мало, и они были лёгкие, как подушки. Она просто принимала нас за жуликов и думала, что через четверть часа часы останятся навсегда. Видимо, она никогда не имела дела с хронометрами марок «Победа» и «Уакыт-7».

Зачем-то ей понадобились наши имена. Мы назвались, и она принялась заносить фамилии в толстую замусоленную книгу. Грин запротестовал: он попросил не вписывать его настоящее имя.

– Поставьте прочерк, – предложил он. – Ну, уж, если очень будут настаивать, запишите: Олеша. Юрий Карлович, – уступил он, встретив подозрительный её взгляд.

Мы шли краем моря. Которым уже пробежали перед нами броненосец и дикобраз. Следы ещё были свежи. Я знал, зачем они спешили. Это была старая история. Замешанная на зависти, злобе, коварстве и, конечно же, трусости. Судя по той печальной, умудренной знанием улыбке, с которой Юрий Карлович рассматривал их следы, я понял, что для него здесь тоже не было никакого секрета.

– Список номер один, – сурово произнес он.

– Список номер один? – удивился я.

– Да, – подтвердил он, – список номер один. Эти чувства должны быть уничтожены в первую очередь. Им нет места в Новом Мире.

Дикобраз и броненосец гнались за опоссумом. Наверное, уже лет двадцать. А может, ещё дольше. Сколько, точно знал дядя Ольмес, но он никогда не называл никаких цифр.

Море лениво накатывало на берег мелкие волны. А мы всё шли и шли его краем. Мы шли уже не день и не два. Но не замечали этого. Мы рассказывали друг другу смешные и грустные истории. Мы беседовали, а эти беседы закусывали хлебом и плавлеными сырками и запивали их апельсиновым соком.

Мы говорили о деревьях, которые попадались на нашем пути, о маленьких муравьях, бегущих по траве, о форме облаков, о прочности металлических конструкций, о Шакариме и аль-Фараби, об эндоплазматической сети, о Вавилонском столпотворении, о Пушкине и Маяковском, о принципе неопределенности, о дворниках и капитанах дальнего плавания, о внутреннем строении окуня, о великом переселении народов, о парашюте Леонардо да Винчи, о тенебризме Караваджо, о седлах и сбруях, об Иоганне Кеплере и его трех законах движения планет, о наскальных изображениях и о первой стреле, о страшных войнах, об эпохе Калиюги... Мы вспоминали о Лобачевском и кенигсбергских мостах Эйлера, и даже попытались доказать теорему Ферма... Потом мы подбирали потрескавшуюся ракушку и говорили о ней, с нею мы перескакивали в каменноугольные леса, чертили планы фантастических городов, пересказывали друг другу прочитанные книги, насвистывали полюбившиеся мелодии, вспоминали о людях, с которыми нам довелось встретиться, и о девушках, с которыми были знакомы или только мечтали познакомиться... а затем снова и снова говорили о деревьях, попадающихся на нашем пути, и о маленьких муравьях...

Я рассказывал Олеше о шахматной игре и, когда коснулся ходов фигурами, он задал мне вопрос:

– А нет ли там такой, которая ходила бы буквой «У»?

– Нет, – ответил я, – такого нет, есть другое. Кони ходят буквой «Г».

Но Олеша уже потерял интерес к шахматам. Белый его шарф вился по ветру.

– Это всё не то, – сказал он. – Есть другая игра.

И он начал объяснять мне правила. Простые как спички. У меня перехватило дыхание – я знал эти правила. Когда-то я играл в эту игру. Но я ничего не мог вспомнить. Почти ничего.

– Правильно, – вздохнул Юрий Карлович. – Ты слишком взрослый. Ты играл в эту игру давно – в детстве. Вспомнил?

Я вспомнил. Это была удивительная игра. Она была замечательна тем, что проиграть было невозможно, – и даже тот, кто очень старался это сделать, всё равно выигрывал.

Мы сыграли с Олешей множество раз. В эту игру можно было играть одному, вдвоем, целым двором, улицей и даже всем человечеством. Наверное, это и было в ней самым главным.

Я и сейчас разыгрываю некоторые из тех партий, сыгранных нами на краю моря, и придумываю новые... Эта игра, которую мы все когда-то прекрасно знали, называлась просто: «Мечты и Чудеса».

Солнце сменялось Луной, а Луна сменяла Солнце. Море смывало наши следы, а там, куда оно не доставало, следы забирал песок.

– Лиомпа! – воскликнул однажды Олеша, как раз в тот момент, когда я хотел указать ему на белоснежного альбатроса, кругами забиравшего всё выше и выше. – Чуть не забыл. Мне надо срочно зайти к своему старому товарищу, отдать книгу. Он давно просил. Но я скоро вернусь: отдам и сразу поспешу к тебе. Мы встретимся у обелиска. Жди меня там. И никуда не уходи.

– У какого обелиска? – спросил я.

– Не бойся, ты его ни с чем не спутаешь, – успокоил меня Олеша. – Главное, никуда не сворачивай.

Он улыбнулся мне и вскоре исчез за дюнами. Я остался один.

Я остался на месте. И долго глядел на цепочку лунок, уходящую перпендикулярно берегу.

Незаметно с моря начал наползать туман. Он надвигался живой дышащей массой. Он обогнул меня с боков двумя длинными языками, и я как бы очутился на дне параболы, видя перед собой только неширокий сектор горизонта.

Дно параболы тоже перемещалось: меня обдало влагой, и лунки следов, деревьев, дюны начали мутнеть и исчезать одно за другим.

Туман скоро выровнялся по своей плотности, и я перестал ощущать его движение: всюду, куда бы я ни повернулся, была ровная, матовая бездна.

Я боялся сбиться с дороги, и потому решил остаться на месте и переждать. Меня радовало только то, что Юрий Карлович ушел раньше, и туман, я надеялся, не мог его настичь.

Я озяб. Я попытался делать гимнастику, но не согрелся, и тогда решил зарыться в песок. Он ещё хранил тепло солнца и передал его мне.

Мне стало уютно. А потом – клонить в сон. И, может быть даже, я спал какое-то время. Но, скорее, нет – это почудилось: кто-то идет ко мне. Человек шел медленно, так, что временами я переставал различать его тихие шаги. Но потом вновь, в той магической тишине, я слышал, как осыпается под его подошвами песок, как он ссыпается с ног.

Он не дошел до меня совсем немного. Остановившись в нескольких шагах. И долго стоял там. Я слышал – он подобрал что-то с земли и подышал на это, как дышат на линзы очков. Что он нашел? Старинная монета, кусок обычного бутылочного стекла? Вряд ли. Он выбросил это. Я слышал, как оно упало в воду недалеко от меня. Что-то легкое.

Он постоял еще некоторое время. А потом ушел. Так же тихо и медленно.

Он не просил о помощи, и я не окликнул его. Стоило ли? Да? Нет? Кто это был?..

Никто... Думаю, никто – мне это почудилось, мне это показалось...

Я уже не спал, лежа на локте, пересыпая песок из одной ладони в другую. Туман не слабел, и я боялся уснуть и опоздать на встречу с Юрием Карловичем. И никак не мог придумать, как не заблудиться и не оказаться на обратной дороге.

Я перевернулся на живот и отряхивал ладони, когда увидел выползавшего на меня большого жука. Жук был черный и мокрый, к нему налипли оранжевые песчинки.

И я вспомнил о море!

Оно молчало рядом со мной и напомнило о себе лишь этим мокрым жуком. Кромка моря и берега! – я знал, что теперь не собьюсь с пути.

Я положил жука в карман и пустился краем моря, ступая одной ногой по воде, другой по песку. И, может быть, оттого, что смотрел себе под ноги, не заметил, как туман рассеялся.

Было пустынно и пасмурно, низкие плотные облака стлались до горизонта, и невозможно было угадать, в какой стороне находится Солнце.

Белый альбатрос с криком летел почти над самой поверхностью моря. Может быть, он был тем самым, которого я видел, прежде чем ушел Юрий Карлович?

Впереди, вдали, я различил маленькую белую иглу: это и был тот условленный обелиск.

Я добрался до него часа через два.

Обелиск был громаден. Своей подошвой он упирался в широкую плоскую скальную площадку, а вершиной уходил метров на сто вверх. Он был похож на перевернутую гигантскую сосульку: те же неправильные наросты и натеки, то же нарастающее напряжение объема. Наверное, это и было главным в замысле – выразить необоримое стремление. Так пробивается сквозь асфальт росток.

Я обошел вокруг несколько раз. И только тогда заметил гладкую серую каменную плиту, врезанную в основание. Я подошел ближе:

«ВСЕМ, КТО НЕ УПАЛ НА КОЛЕНИ
ПОД ТЯЖЕСТЬЮ СОБСТВЕННОГО УМА. СЛАВА ИДУЩИМ!

Л. С.» – было высечено на ней.

– Слава идущим! – тихо произнес кто-то за моей спиной.

Я быстро обернулся. Это был Юрий Карлович.

– Слава идущим! – повторил он, улыбнувшись.

Я рад был снова увидеть его. И хотя прошло не так много времени, мне показалось: он постарел. Но, может, это была просто усталость?

– Скажите, – спросил я его, – как это понять: «...под тяжестью собственного ума»?

– Как понимать?.. Каждый человек способен на многое... Но часто он ограничивается малым, в сущности, отказываясь от самого себя. Так всё себе легко простить и оправдать... Впрочем, тебе лучше подумать об этом самому. Ученый – тот, кто научился сам.

– Я подумаю, – ответил я, – но все-таки?

– Все-таки... Вперед! – подмигнул мне Олеша. – Наше путешествие еще не закончено! Не все ответы приходят сразу.

Обелиск, установленный таинственным Л. С., не шел из головы, и мы уже не могли рассуждать о «золотом сечении» и принципе неопределенности.

Мы говорили о людях.

Об их неистребимом желании добра и любви.

О вечных попытках справедливости.

О человечности.

О надежде и вере.

И о заветной дороге счастья, которую все так давно ищут.

И я задал вопрос:

– Если все понимают, что всё, о чем мы говорили, это и есть то, к чему надо стремиться, чему надо отдать все силы и ничего не пожалеть, и что это, в сущности, так легко и доступно и потребует от человека всего лишь тепла, любви и участия к другим, таким же, как и он, и что те, другие, дадут ему тоже любовь, тепло и участие, и что это и будет та гармония, та утопия, то счастье, которого всем так не хватает – то почему до сих пор люди воюют, болеют, страдают и умирают от голода? Почему?

– Немного, совсем немного, – прошептал Олеша, и вдруг я заметил, что лицо его потемнело, и черты его обозначились резче и злее, словно он пытался бороться с чем-то вроде приступа тоски и отчаяния.

Но он справился с этим.

Он объяснял мне, чуть покачиваясь на широко расставленных ногах:

– Видишь ли, – тут он почему-то остановился: он, наверное, подыскивал точные слова, а может, хотел справиться с волнением? – Видишь ли, маленький мальчик не в силах стронуть с места тяжелый камень на дороге. Как бы он этого ни хотел. И даже когда он будет носить обувь на три размера больше, он сможет только сдвинуть его чуть в сторону. Но юноша обязательно выбросит камень на обочину. – Олеша просиял. – Немного! Люди уже поумнели сердцами. Осталось совсем немного.

– Немного чего? Ждать? – спросил я.

– Действовать! – ответил Олеша.

И рассказал историю, которая сначала показалась забавным анекдотом, шуткой, а потом уж очень замысловатой аллегорией.

Сейчас я воспринимаю её совсем по-другому. Иначе. И рассказываю всем, кто хочет слушать.

Мы шли. Олеша говорил быстро, размахивая руками, шепотом, и из-за шума прибоя я иногда не разбирал отдельных слов. Когда я окончательно перестал улавливать смысл, я остановился и спросил его, почему эту историю надо рассказывать обязательно шепотом? Олеша попросил прощения и объяснил, что часть жизни ему пришлось проработать с документами под грифом «Абсолютно секретно! Никому не показывать!», и это пробивается в нем старая привычка. После этого он прибавил на полтона. И снова попросил никому не называть его настоящего имени.

– Ну, если уж очень будут интересоваться – скажите, что меня звали Сароян. Уильям Сароян. Только не забудьте.

– Хорошо, – пообещал я, – я не забуду.

– Когда наш Старик мастерил вселенную, – Сароян начал с начала, – и уже приколачивал к хрустальной сфере последнюю звезду, зазвонил телефон. От этого Наш Старик не рассчитал силы удара и пробил дырку, в которую звезда – он как раз монтировал последнюю партию – уже никак не вставлялась...

– Позвольте, – я опять ничего не понимал, – что это за Наш Старик? Что за хрустальная сфера?

– Как! – Сароян был искренне удивлен. – Неужели никогда не слышали? Мне так прожужжали все уши! О нем же так много говорят.

– Ну, если вы об этом... Но я...

– Конечно! – обрадовался Сароян. – Конечно! Только не воспринимайте всё буквально. Отбросьте всякую мистику. Подойдите с позиции здравого смысла – считайте, что это – указатель на дороге. На дороге человечества! Смотрите проще – все станет яснее. Зерно! Вычленийте зерно!

Сароян продолжал свою историю. В скалах выл ветер. Я слушал, больше не перебивая.

– Так вот, со злости Старик разорвал телефонный шнур на маленькие-маленькие кусочки. Трубку он просто растоптал, а аппарат выбросил в окно. Да, да, там тогда еще было окно! Это потом его заделали, – пояснил Сароян, заметив удивленный

мой взгляд. – Да... Как выяснилось впоследствии, Старик сделал это зря – разговор должен был состояться очень важный, и его потом очень строго наказали. Никогда не надо терять головы! Старик шумел, как дубовая роща в непогоду. Он кричал, как всё ему дорого обошлось, что хрустальную сферу выдували чуть ли ни миллиард лет на заказ, и что из-за какого-то болвана всё идет прахом. Потом ему пришлось взять все свои слова назад и просить прощения. Повторяю: его строго наказали. А тогда он так бушевал и бесновался, что на этот шум, в мастерскую, зашел его Коллега по работе сектора, к которому все почему-то относятся с подозрением, хотя, в общем-то, он зачастую безобиднее черного таракана. Да... так вот... Он сразу понял, что к чему; успокоил Нашего Старика и сказал, что ничего страшного не случилось, и что надо сделать так-то, так-то и так-то. «Надо – объяснил он, – просто устроить всё так, чтобы сфера в своем вращении поворачивалась к этой дырке на рассвете. Спросонья ее примут за звезду, да и видна она будет недолго. Ведь потом появится Светило и вообще ничего нельзя будет разобрать». Он говорил что-то еще про сходство спектрального состава света и еще о чем-то. А главное, так убедительно, что Нашему Старика ничего не оставалось делать, как кивать головой, потому что в этих делах, надо сказать, Наш Старик был не очень-то силен. «Но, – все-таки прицепился он, – у них все равно остается шанс докопаться, что есть что! Не думаете же вы, что они будут только любоваться звездами?» «Думаю, для начала они их перепишут, а главное, если не оставить им ни одного шанса, то зачем все это затевать?» – сухо ответил Коллега, испытующе поглядев на Старика, который начинал его удивлять. Старик почесал в голове – он не любил, когда читали его самые сокровенные мысли. «Ладно, – деланно проскрипел он, – пусть она остается, эта утренняя дыра. У них будет много своих проблем». «Звезда, – поправил его Коллега, – Утренняя Звезда!» Он быстро сделал необходимые расчеты и так переставил Шар, что и придаться-то было трудно. Когда запустили всю эту механику, дырка и впрямь выглядела, как вылитая Звезда. Так что, – закончил Уильям Сароян, – теперь вы понимаете? Утренняя Звезда вовсе не звезда, – близился рассвет, яркая точка горела на востоке, и он показал её мне, – это свет того мира, где обретается Наш Старик! Нас давно там ждут. И...

– Шолпан! – вырвалось у меня.

– Что? – насторожился Сароян.

– Шолпан, – повторил я, – по-казахски она – Шолпан.

– Шол-пан, – Сароян переворачивал слово во рту, как леденец, – Шол-пан, Шол-пан... – он улыбнулся мне, почему-то застенчиво. И что-то очень тихо прошептал. Одними губами. Как заклятье.

Мы прощались. Мы стояли, говоря друг другу неизбежные слова разлуки.

– Минуточку, – вдруг попросил Сароян, и быстро побежал по скользким камням – море временами отступало, обнажая дно.

Я остался на берегу. Сароян долго не возвращался, и тогда я решил спуститься за ним. Но он уже шел мне навстречу, неся на ладони какую-то блестящую штуку.

– Что это? – спросил я. – Осколок Хрустальной Сферы?

– Нет, – ответил Сароян, – жемчужина. Она будет напоминать тебе о нашей встрече. Постарайся не потерять ее. Возьми.

Я поблагодарил его. Сароян ухитрился отыскать самую огромную жемчужину, которую я вообще когда-либо видел. Матовый блестящий шарик охлаждал руку.

Я порылся в карманах. Но не нашел ничего, кроме жука. Он был жив. Но стал серебряным – из кармана давно следовало вытряхнуть остатки алюминиевой пудры. Зачем-то она была мне нужна тогда – я забыл.

– Возьмите, у меня больше ничего нет, – протянул я ему свой подарок.

– А! – радостно воскликнул Сароян, словно узнал старого знакомого.

Я положил жука на подставленную ладонь.

Время! Я совсем забыл про время, пока следил, как жук пытается перевернуться со спины на брюшко. Но, наверное, это было недолго. Потом, какое-то время, жук сидел неподвижно, шевеля лишь усами, словно пытаюсь угадать нужное направление. И тут неожиданно Сароян сильно подбросил его вверх!

– Хэгэйя! Ах-хоу! – кричал он, размахивая старой фетровой шляпой, притоптывая ногой.

Жук падал вниз, как серебряная пуля. Сухо шурша о воздух. В двух, а может, даже всего лишь в метре от земли он вдруг зажужжал и, будто наткнувшись на вязкую густую преграду, стал быстро терять скорость. Он остановился, зависнув буквально у наших ног. Гудя, как неисправная электробритва.

Мне показалось, жук даже увеличился в размерах, когда по долгой пологой кривой, раскачиваясь из стороны в сторону, он стал плавно забираться на восток. Я потерял его из вида раньше, чем Сароян. Он помог отыскать мне маленькую серебряную точку. Она почти слилась с...

Сароян глядел поверх моей головы. Он очарованно улыбался. Будто слыша далекую, неведомую музыку.

Был ранний час. Нейтральная полоса между ночью и утром. Час, когда ночь начинала собирать звезды: они гасли – одна за другой. И только там, где рассвет был сильнее всего, там, куда, треща крыльями, улетел серебряный жук, пылала хрустальная звезда! Ночь не могла ее унести – свет далекого мира, разгаданной тайны.

– Как ты ее тогда называл? – словно боясь спугнуть, прошептал Сароян.

– Шолпан, – подсказал я.

– Шолпан! – завороченно повторил он. – Шолпан!

– Скажите, а что, если они погасят у себя свет? – я почему-то стал волноваться.

– О! Этого никогда не случится! – успокоил меня Сароян. – У них очень дешевое электричество! Скоро, очень скоро... осталось совсем немного, – добавил он очень тихо.

Малиновый, сплюснутый диск Солнца, быстро поднимаясь вверх, приобретал округлость. Шолпан таяла. Мы молчали.

– Послушайте, – тронул я Сарояна за рукав, когда уже стало слепить глаза, – скоро начнется прилив. Поспешим выйти на берег.

Сароян молчал,

– Кто-то говорил мне, что это всё – результат притяжения Луны, – напомнил я о себе через некоторое время.

– Да... Луны Всех Душ, – отрешенно произнес Сароян, – Луны Всех Душ... Поспешим! Ведь это – радость. Да... А потом снова будет печаль. Прилив и отлив. Радость и печаль. Печаль и радость. И – всегда! Таков закон движения.

– И этого никак не изменить?

– А зачем? Не надо грустить – печаль необходима. Без нее не узнать лица радости. А без радости мы не сможем жить. Ведь так? Всё правильно! Печаль и радость – способ преодоления смерти. И еще запомни: смерть – это безветрие.

Он улыбался мне. Мы стояли у места, где наши дороги расходились. Мне надо было спешить в горную страну, Сарояна ждала лодка.

Я помог столкнуть ее на воду.

– Послушайте, – спросил я, – а можно мне кому-нибудь рассказать обо всем этом? О нашем путешествии, о Шолпан?

– Конечно, – ответил он, отгребая на середину реки, – конечно! И еще о серебряном подстаканнике, и об отломанной ручке... Только, очень прошу, никому не называйте моего настоящего имени, а если будут допытываться...

– Как вы думаете, с чего мне лучше начать? – перебил я его: течение уже несло лодку вниз.

Сароян что-то ответил мне, но я не расслышал что.

– Громче! Повторите! – крикнул я ему, бежа за лодкой по берегу.

Он оставил весла, поднялся и, сложив ладони рупором, снова прокричал мне.

– Ра-ра-ра-ра-ра, – донеслось до меня.

Я разобрал только два слова: «Дядя Ольмес».

